

В.А. Герасимова

«Жизнь и приключения» одного крещеного еврея:
к вопросу об адаптации неофитов
в Российской империи XVIII в.

В статье анализируется группа источников, освещающих этапы биографии крещеного еврея из Салоников Ивана Павлова, приехавшего в Россию в 1753 г. За время пребывания в стране Павлов приобрел богатейший опыт по взаимодействию с государственным бюрократическим аппаратом, а также лично являлся на прием к императрице Елизавете. На основе архивных источников автор реконструирует один из возможных путей адаптации неофита еврейского происхождения в новой для него социокультурной среде. Статью сопровождает публикация прошения неофита на Высочайшее Имя, в котором излагается весьма нетривиальная биография просителя, претендующая на «послужной список», столь важный для обоснования получения государственной поддержки.

Ключевые слова: переход в православие, евреи в Российской империи, иудеи, иноверцы, адаптация.

За годы правления императрица Елизавета Петровна предпринимала активные действия по улучшению нравственного и религиозного состояния своих верноподданных. Одним из направлений ее политики стала борьба с распространением иноверных вероисповеданий, прежде всего с так называемыми «внутренними иноверцами» – жителями восточных территорий империи. Неслучайно расцвет деятельности Новокрещенской конторы, в ведении которой с 1740 г. оказалась прежде всего миссионерская деятельность среди язычников и мусульман Поволжья и Урала,

© Герасимова В.А., 2017

Публикация подготовлена при поддержке РГНФ (проект 14-31-01277 «Переход евреев в православие в Российской империи последней четверти XVIII в.»).

основанной еще в 1740 г., пришлось на 40–50-е годы XVIII в. Анализ законодательных актов, выпущенных императрицей, проведенный Т.Б. Заболаевой, явно свидетельствует о негативном отношении Елизаветы к различным группам инакомыслящих и иноверных: старообрядцам, армянам, мусульманам, язычникам, цыганам и другим¹.

Не остались без «Высочайшего внимания» и евреи, чье присутствие в пределах Российской империи и ранее ограничивалось законодательно². Вскоре после восшествия на престол, 23 декабря 1742 г., императрица Елизавета издала именной указ «О высылке из Великороссийских, так и Малороссийских городов, сел и деревень, всех жидов, какого бы кто звания и достоинства ни был, со всем их имением за границу и о невпускании оных на будущее время в Россию, кроме желающих принять Христианскую веру греческого исповедания»³. Требование подобного рода из уст самодержца звучало не впервые, однако появилось в нем и нечто принципиально новое: впервые на официальном уровне было озвучено единственное условие, при котором евреям дозволялось проживать в России, – крещение.

Разумеется, крещеные евреи и ранее оказывались в России. Еще в середине XVII в. фиксировались сюжеты о выкрестах еврейского происхождения в Московском государстве (к этой группе относился и отец видного российского государственного деятеля Петра Павловича Шафирова). Среди приближенных Петра I крещеные евреи не были редкостью: достаточно вспомнить первого Санкт-Петербургского полицмейстера Антона Мануйловича Девиера или придворного шута Лакосту. Однако эти персонажи довольно широко известны, о них пишут как в научных, так и в публицистических изданиях не только на русском, но и на английском, идише, испанском, датском и других языках. Менее выдающимся крещеным евреям, их биографиям и особенностям самоидентификации, к сожалению, внимания не уделяется ни в научной, ни в публицистической литературе. Между тем обращение к персональным историям евреев, покинувших лоно иудаизма, позволяет изучить такие важные проблемы, как стратегии адаптации неопитов в новой социокультурной среде, особенности их взаимодействия с представителями официальных властей, специфику государственной политики в отношении новокрещеных иноверцев. В центре внимания данной статьи – персональная история одного человека – крещеного еврея Ивана Павлова. Публикуемый же источник представляет собой первое прошение Павлова, направленное им сначала в Коллегию иностранных дел,

а затем в Канцелярию Синода. Биография этого человека, подробно изложенная в прошении, больше напоминает авантюрный роман, однако узнаем о жизни этого, в сущности, ничем более не примечательного человека мы лишь благодаря его настойчивости и изобретательности. Дела о нем отложились в фондах центральных государственных архивов – Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург) и Российского государственного архива древних актов (Москва), все они вводятся в научный оборот впервые, публикуемый документ хранится в Санкт-Петербурге.

Логично было бы предположить, что елизаветинский указ 1742 г. о запрещении евреям проживать в России и необходимости креститься в обмен на право жительства здесь, как и многие другие, останется законом на бумаге, в реальности же не возымеет никакого действия. Однако парадоксальным образом архивные источники свидетельствуют об обратном: с момента выхода указа поток евреев, желавших перебраться в Российскую империю для постоянного проживания даже ценой смены веры, не иссякал. Стоит заметить, что более корректно было бы говорить не просто об увеличении потока переселенцев-евреев, а скорее об увеличении количества дел в архивохранилищах, посвященных переходу иудеев в православие в исследуемый период. Немногие сохранившиеся дела более раннего периода, прежде всего на русско-польском пограничье, в Киеве, свидетельствуют об отсутствии четкой официальной бюрократической практики приема неофитов еврейского происхождения в православную церковь⁴.

Официальная процедура перехода из иудаизма в православие начала складываться после выхода указа 1742 г. Первым шагом на пути к признанию соискателя в качестве православного становилось его обращение к официальным представителям государственной власти. Для этой цели Иван Павлов, будучи уроженцем турецкого города Салоники, избрал первый же пограничный город Киев, где, изложив свою историю, получил документы от киевского обер-коменданта Костюрина и прибыл в Москву в 1753 г. Заметим попутно, что для большинства въезжавших в Россию евреев в этот период Киев и Левобережная Украина становились конечным пунктом назначения: после прохождения официальных инстанций, принятия присяги и получения паспорта новоиспеченный российский подданный отправлялся на поиски нового места жительства. Однако у Ивана Павлова были иные планы. Сразу же по получении паспорта для проезда в Великороссию иностранец отправился в Коллегию иностранных дел, где потребовал обеспе-

чить ему материальную помощь на основании его статуса. Обращение в официальные инстанции Павлов снабдил пространным рассказом о своем «превращении» из турецкого еврея в российского православного, прибегнув для составления прошения к помощи студента Московской славяно-греко-латинской академии Петра Дмитриева⁵.

Прощение представляло собой весьма нетривиальный рассказ об «удивительных приключениях» уверовавшего во Христа сына одного из богатейших евреев турецких Фессалоников. Представленная Павловым биография полна ярких событий: религиозное прозрение на Афоне во время праздника святого Афанасия, затем бегство от отца и крещение в другой православной греческой обители, утрата огромной суммы денег и скитания по Венеции, Молдавии, Кипру, тюремное заключение и, наконец, прибытие в Российскую империю. Свой выбор в пользу России Павлов пояснил так: «Потому что сердце мое и помышление всегда клонилось к житию во св. горе Афонской, а неможно мне было туда ехать, то принял намерение сюда в Россию для препровождения моего бедного жития здесь в Москве в греческом монастыре»⁶. После изложения всех перипетий своей жизни (вымышленных или реальных?) крещеный еврей перешел к своей просьбе: «для определения меня странного и бедного к научению грамоте, потребным награждением на пропитание и содержание. За что долженствую до гроба моего Всевышняго Бога молить». Коллегия иностранных дел передала прошение Павлова в Петербург, сочтя, очевидно, что дела о неопитах находятся в ведении не светских, а духовных учреждений. При этом дело крещеного еврея со столь примечательной биографией (ведь абсолютное большинство выкрестов еврейского происхождения были выходцами из соседней Речи Посполитой) было направлено не в местную Московскую синодальную кантору, а напрямую в Санкт-петербургскую канцелярию Синода. Ответа из столицы Павлов не получил, но не сдался и направил повторное прошение. И снова в качестве писаря выступал студент Московской славяно-греко-латинской академии – Георгий Герасимов⁷. На этот раз просьба новокрещеного была удовлетворена, постановление Синода гласило: «В рассуждении ево, новокрещена, чужестранства и неимущества, выдать ему, Павлову, ныне, во образ милостыни, из положенной на канцелярской св. Синода расход суммы 10 рублей, записав в расход с роспискою...»⁸. Уже через несколько месяцев неопит снова ходатайствовал о выдаче ему материальной помощи, поскольку он «претерпевает крайнюю бедность». На этот раз он направил свою просьбу в светскую ин-

станцию: материалы об этом отложились в фонде Штатс-конторы Российского государственного архива древних актов⁹. Когда же деньги закончились, последовало еще одно прошение от Павлова все с той же формулировкой причины обращения: «по иностранству моему претерпеваю нужду».

Нужно заметить, что, как правило, государство не брало на себя никаких обязательств по материальной поддержке неопитов, им предоставлялся лишь ряд льгот: освобождение от рекрутской повинности, от подушного оклада, личная свобода с правом выбора рода деятельности и места жительства. Финансовые средства выдавались новокрещеным лишь по их непосредственной письменной просьбе (за исключением массово крестившихся мусульман и язычников Поволжья и Урала, для которых существовали отдельные пособия за крещения в зависимости от пола и социального статуса¹⁰). Проявив настойчивость в своих просьбах, Иван Павлов получил не только 10 рублей: далее на неопита буквально посыпались льготы: ему выдали еще 10 рублей, направили в московский Заиконоспасский монастырь учить русский, выдали бесплатно книги (азбуку, букварь, часослов, псалтырь ученую, месяцеслов в переплете), а также 50 рублей на одежду и обувь. В контексте крещения евреев все перечисленное уже представляет весьма внушительную награду за «восприятие веры». Однако неопит посчитал, что этого мало.

Распоряжение Синода было исполнено в точности: Павлов получил все, что было перечислено в документе. Однако совсем скоро Синод вновь получил челобитную от него. Во «всеподданнейшем прошении новокрещеного еврейца» Иван Павлов сообщал, что получил все 70 рублей, выделенных государством, и живет «без всякаго стеснения» в Николаевском греческом монастыре в Москве (где он поселился, очевидно, позже). Отметим, что Николаевский греческий монастырь был выбран Павловым неслучайно. Будучи православным, но при этом чужим в России, неопит нашел наиболее комфортную для него среду проживания – греков, с чьим языком он был знаком с детства, с кем непосредственно взаимодействовал в повседневной жизни, у кого нашел приют после крещения. Заметим попутно, что сам Иван Павлов не только говорил, но и умел писать по-гречески. Во всяком случае, об этом свидетельствует его довольно уверенная подпись под текстами прошений, отправленных в Коллегию иностранных дел и Синод.

Между тем проситель вскоре вновь столкнулся с финансовыми трудностями: «и по получении я, именованный, означенного награждения на платье и на домовые припасы издержал тридцать

рублев, а потом впал в великую болезнь. На лекарства и лекаря издержал 20 рублей»¹¹, а остальные деньги прожил и в связи с этим «не имею себе никакова пропитания, а от правительствующего Сената по делу моему не могу решения дожидаться». Свое положение неофит характеризует как самое плачевное и просит вновь выдать ему денег «для пропитания», а также «в государственную иностранных дел коллегию о решении моего дела вторичную промеморию послать, дабы я бедный из чужестранства за продолжением дела не пришел бы в крайнее разорение и убожество»¹². На этот раз Синод распорядился выдать Павлову «во образ милостыни» еще 20 рублей.

И снова, спустя три месяца, Иван Павлов направляет прошения по инстанциям. На этот раз ставки выросли. Неофит заявляет, что ему сообщили в Коллегии иностранных дел, что «яко иностранному и неимущему человеку без определенного окладного к пропитанию жалования здесь быть отнюдь невозможно и в святейшем правительствующем Синоде таковой суммы из каковой меня нижайшего таким жалованьем удовольствовать»¹³. Павлов просит ни много ни мало, а 120 рублей в год, поясняя, что сейчас он получает лишь три рубля в месяц. Однако в этот раз аргументы неофита уже гораздо более детальны: «В Россию по восприятию святого крещения выехал, оставивши все свое иждивение в иностранном государстве нищетою, в пребывание мое ныне в Москве сверх покупки себе пищи и одежды нанимаю квартиру и для отопления оной покупаю дрова по одержимой моей немощи и на покупку для лечения медикаментов и на зарплату лекарем тако ж потребна мне денежная сумма». Из этого документа нам становится известно, что Павлов уже проживает не в монастыре, а в съемной квартире, причем, вероятно, находится на полном иждивении государства и не ищет себе иного занятия.

Синод подсчитал, что затраты на Ивана Павлова уже составляли 90 рублей, однако распорядился и далее выплачивать ему 15 рублей одновременно и к этому еще по три рубля в добавление к тем трем, что он уже получает, но лишь в течение одного 1754 года. Каковы же аргументы Синода? Очевидно, здесь сыграла роль биография, изложенная Павловым. Канцелярия выдала деньги, поскольку новокрещенный, «будучи по отчеству своему человеком славным», лишился всего своего богатства и имущества ради принятия веры, и деньги ему необходимо выдать во избежание «недовольствия и чувства огорчения»¹⁴. В данном случае биография иммигранта сыграла роль послужного списка, или списка заслуг, и подняла статус неофита в глазах представителей российской власти¹⁵.

В деле канцелярии Синода об Иване Павлова есть сведения по крайней мере о восьми прошениях о материальной помощи и выдаче жалования. Всякий раз манипулируя своим статусом новокрещеного иноземца, Павлов умудрялся получить желаемое. Жалобы о бедности и убожестве, связанные с его положением иностранца (в том числе и плохое знание русского языка), плохо сочетаются с целым рядом деталей. Иван Павлов, крещеный еврей из Фессалоников весьма грамотно ориентировался в тонкостях бюрократической системы: так, прежде чем подать прошение о выдаче ему 120 рублей в год, он заручился поддержкой Коллегии иностранных дел. А кроме прочего, ему удалось без всякого на то разрешения прорваться с очередным прошением лично к императрице Елизавете Петровне, о чем нам становится известно из документа, запрещающего ему впредь докучать императорской семье: он «о своих нуждах прозбою своей самое ея императорское Величество и их императорские Высочеств и в судебном месте нигде никого без позволения святейшего правительствующего Синода не утруждать под опасением неупустительного штрафа, в чем с него и подписка взята»¹⁶.

Сама же императрица Елизавета Петровна явно оказывала покровительство неопитам, в том числе еврейского происхождения. Так, в центральном печатном органе Российской империи, «Санкт-петербургских ведомостях» от 11 декабря 1752 г., размещено сообщение о Высочайшем присутствии императрицы при церемонии крещения рижской еврейки Гетхен Герце¹⁷. Елизавета Петровна распорядилась о том, чтобы восприемниками стали высокопоставленные особы – архиепископ Нарвский и Псковский Симеон и близкая подруга императрицы Мавра Егоровна Шувалова, известная в русско-еврейском контексте своим резким анти-еврейским высказыванием (из своей поездки в Нежин в 1738 г. она писала своей подруге Елизавете Петровне: «...жидов здесь множество, и видела их собак»¹⁸).

За период с 1753 по 1766 г. Иван Павлов успел обратиться во множество российских официальных инстанций, всякий раз жалуясь на свою незавидную участь, статус чужака-неопита, слабое здоровье и прочие несчастья. Последний документ в обширном деле Павлова – запрос из Святейшего синода в Кабинет Ея Императорского Величества о статусе и основании пребывания выкреста Павлова в Троице-Сергиевой лавре, из которого следует, что неопит содержится в лавре по причине своей «болезни и дряхлости» и ему выдавалась «порция против семинарских той лавры учителей с некоторым уменьшением»¹⁹. На этом след Ивана Павлова теряется.

Однако уже в 1782 г. в фонде Канцелярии Синода мы обнаруживаем новые подробности о жизни знакомого нам Ивана Павлова, по-прежнему именуемого в официальных бумагах «новокрещеном»²⁰. Инициативным документом в деле стало личное прошение Павлова о переводе назначенной ему в 1767 г. пенсии из Москвы (он получал деньги в Свято-Троицкой лавре, где и проживал) в Киев. Из источника становится известно, что Иван Павлов оказался в итоге в Благовещенском монастыре в малороссийском городе Нежине. Риторика прошения оставалась неизменной – очевидно, неофит использовал ее как наиболее эффективную. Текст был наполнен формулами-жалобами на бедственное положение. Павлов использует свойственные ему «беспрюитрышные» обороты: «в разсуждение моей бедности», дабы впредь «в пропитании себе не претерпевать крайняго изнурения» и т. д. Синод распорядился перенаправить его ходатайство в светскую инстанцию для перевода пенсии в Киев. Важно отметить, что Павлов едва ли случайно избрал Нежин в качестве места своего пребывания, во всяком случае, в этом переезде можно усмотреть довольно легко угадываемый «греческий след». Как известно, Нежин был одним из крупнейших ярмарочных городов, привлекавших купцов отовсюду, в том числе, здесь проживала и довольно значительная по численности греческая диаспора. Можно предположить, что Павлов по-прежнему сохранял старые связи и в данном случае успешно использовал их для поиска более подходящего места проживания.

Случай Ивана Павлова, безусловно, представляет явное исключение: этому неофиту удалось получить максимальную материальную помощь от государства, обеспечить себя бесплатным жильем (сначала в Николаевском монастыре, в Заиконоспасском – для обучения российской грамоте, а затем в Троице-Сергиевой лавре и, наконец, в Благовещенском монастыре в Нежине) и при этом не работать (или тщательно скрывать это). Успех большинства предприятий Ивана Павлова явно свидетельствовал о высоком уровне адаптации неофита к новой среде, во всяком случае к ее бюрократической составляющей.

Довольно сложно делать универсальные выводы о том, как конструировалась идентичность крещеного еврея в России в исследуемый период за пределами официальных источников. Однако постоянная апелляция к своему положению «новокрещеного из жидов» в исследованных нами материалах позволяет заключить, что память о происхождении была актуальна в течение всей жизни не только для самих переселенцев, но и для представителей власти. Статус неофита давал привилегии в налогообложении,

рекрутском наборе, а также возможность получения финансовой помощи от государства, что, безусловно, вынуждало, по крайней мере периодически, актуализировать знание о своем прошлом. Для чиновников же принятие православия, экстраординарная биография соискателя и его настойчивая личная инициатива были достаточными аргументами для удовлетворения ходатайств просителя, при этом его этническое происхождение не фигурировало в документах ни в качестве положительного, ни в качестве отрицательного аргумента.

Примечания

- ¹ Подробнее см.: *Заблаева Т.Б.* Внутренняя политика императрицы Елизаветы Петровны: (1741–1761): Путеводитель по законодательству. СПб.: Невский ракурс, 2012. С. 58–60.
- ² См.: Указ от 1727 г. ПСЗ – I. Т. 7. № 5032.
- ³ ПСЗ – I. Т. 10. № 8673.
- ⁴ См., например, дело о крещении еврея в 1739 г. Инициативным документом в деле стал запрос священника пограничного села Триполья Николая Величковского митрополиту Рафаилу Заборовскому о том, какие официальные процедуры необходимо провести прежде, чем ввести иудея в церковь. Митрополит снабжает Величковского подробной инструкцией со списком вопросов к соискателю: их список был абсолютно стандартен и применялся ко всем желавшим пересечь границу и поселиться в России (Центральный державний історичний архів України (ЦДІАК). Ф. 127. Оп. 135. Д. 85. Л. 2–2об.).
- ⁵ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 34. Д. 255. Л. 2–4об.
- ⁶ Там же. Л. 3об.
- ⁷ См. подписи (Там же. Л. 4, 11).
- ⁸ Там же. Л. 15.
- ⁹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 279. Оп. 1. Д. 3594.
- ¹⁰ Подробнее см.: *Khodarkovsky M.* Ignoble Savages and Unfaithful Subjects: Constructing Non-Christian Identities in Early Modern Russia // *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples: 1750–1917.* Bloomington and Indianapolis: Indiana Univ. Press, 1997. P. 9–26; *Idem.* The Conversion of Non-Christians in Early Modern Russia // *Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia.* Ithaca; L.: Cornell Univ. Press, 2001. P. 115–143.
- ¹¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 34. Д. 255. Л. 33.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. Л. 41.
- ¹⁴ Там же. Л. 51.

- ¹⁵ Заметим, что ту же функцию послужного списка выполняла исповедь иноземца перед крещением в практике XVII в. Подробнее см.: *Опарина Т.А.* Иноземцы в России в XVI–XVII вв. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 19.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 34. Д. 255. Л. 58.
- ¹⁷ Санкт-петербургские ведомости. 11 декабря 1752 г., пятница. № 99. С. 4. Нумерация страниц условна, поскольку в самом издании отсутствует.
- ¹⁸ *Оршанский И.Г.* Русское законодательство о евреях: очерки и исследования. СПб.: Тип. и литогр. А.Е. Ландау, 1877. С. 17.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 34. Д. 255. Л. 80–80об.
- ²⁰ Там же. Оп. 63. Д. 227.

Челобитная новокрещеного Ивана Павлова на имя императрицы Елизаветы Петровны

(Л. 2) Всепресветлейшая державнейшая великая государыня Императрица Елисавета Петровна самодержица всероссийская государыня всемиловитейшая бьет челом новокрещеной жид Иван Павлов, а о чем мое прошение тому следующие пункты:

1. Родом я вышеименованный от Фессалоник сын знатнаго и богатаго жида именем Моисея, котораго знают все монастыри находящиеся во святой горе Афонской, потому что он в нуждах их, каковыми они отягощаются от неверных агарян, способствует дачею взаем ис процента своих денег немалыми суммами и при наступании срока платежу обыкновенно он своего брата а моего дядю вместе со мною во святую гору для собирания тех денег посылывал, как о том известно и находящимся здесь в николаевском греческом монастыре тамошним святогорским архимандритом с братиею их.

2. И в 1742 году будучи я в лавре Афонской за получением из оной денег, а случилось мне в ту лавру приехать на самой праздник святого Афанасия и обитающия там монахи все были тогда в церкви и отправляли всенощное пение, и тако вышед я из кельи, которая мне для жития определена была, прохаживался около церкви и как зашел за святой алтарь и услышал там моление, то мне пришло вдруг желание быть христианином, чего ради просил я на другой день тамошних монахов, чтоб они меня ввели в церковь, и как они о том настоятелю своему донесли, то он велел меня (Л. 2 об.) тайным образом в церковь ввесть и вшедши я в оную, когда увидел местныя иконы Спасителя Иисуса Христа и пречистыя Богородицы, то в сердце моем некую радость восчувствовал и стал об оном у бывших тамо монахов спрашивать, они в краткости о воплощении спасителевом и что он есть проповеданной пророками Мессия от девы родившийся мне рассказали, и так я от всего сердца возжелал быть христианином, монахи же тамошние опасаясь отца моего не восхотели меня окрестить, что я видя умолчал. И возвратившись после из той Лавры в Фессалонию к отцу моему, он меня вскоре отправил в Царьград с купеческими товары, и прибывши я туды распродал товар и, взяв деньги, проехал оттуда тайным образом в Смирну к тамошнему архиерею для скрытия себя, чтоб не сведили про то жида, архиерей смирнский продержал меня у себя под скрытием три месяца, и по прошествии трех месяцев утвердился я в вере христианской, но понеже невозможно было в Смирне ему меня окрестить, то отправил он меня к протосингелу своему в Скопель, а именно в 1745 году на самой день Благовещения, а в день Лазарева Воскресения, принял я святое крещение, а крестил меня архиерей Скопелский Григорий с иеромонахом Иверского

монастыря и учителем отцем Неофитом, а понеже в той епархии не живут ни жида, ни турки то определили мне место там жить в монастыре, где я сем месяцев под охранением и прожил, после чего вскоре прибыв туда жида от Фессалонии для зделания виноградного своего вина жидовскаго называемаго касерии меня узнали и, возвратившись в Фесалонию, объявили о том отцу моему и отец мой без (Л. 3) умедления поехал в Царьград для испрошения тамо султанской галеры, на которой бы ехать для взятия меня, и издержал на то 30 мешков денег, я же, не будучи о том нимало известен, жил в своем месте без всякаго опасения, но и греки, получивши ведомость из Фессалонии о отце моем и дяде, тот час ко мне отписали в Скопель, чтоб я оттуда убрался, дабы меня отец мой там не застал. Я увидя себя в немалых заботах, по тому что деньги свои росчал на карабли и с проценты ротным людем, а собрать их тех скоро не мог, не знал, что делать, однако по присоветованию греков при нужде я нашелся выехать из турецкой земли на корабле в Корфы область Венецианскую, а оставшия мои в Скопеле на должниках деньги поручил я собрать и переслать ко мне им грекам, по отлучении же моем из Скопеля прибыла туда галера султанская с вооруженными людами, отец и не застав возымел на отца моего крестного да еще трех греков и моего учителя иеромонаха Иверского подозрение, что они меня скрыли и тако их забрал посадил на галеру и отвезли с собою в Царьград.

3. Пробывши я в Корфах год и не имея наконец чем себя пропитать, поехал паки на корабле тайным образом в Скопель, собрал своих денег «23» мешка из коих в каждом сичается по 300 рублей. Собравши же денги послал их архиерею Сминскому, архиерей отправил их в Царь Град на искупление вышереченных взятых в плен на галеру. Но не будучи довольно на оное искупление тех денег, собрали еще с христиан подаянием и дополнили достальную сумму всего до «30» мешков, выручили взятых в полон с галеры, а я остался в крайней нищете и только от подаяния честных христиан свое пропитание имел.

4. И усмотря я паки, что в Скопеле жить мне невозможно, просил там себе писменного от тамошних обывателей свидетелства (Л. 3 об.), но онаго мне не дали, потому что опасались, дабы не перехватили мене где нибудь с сими писмами, от чего б они в беду попасться не могли, и тако отъехал я тайным образом в Фессалонию вторично к находящемуся тамо английскому консулу в дом его, которой имеет при себе некотораго учителя грека от Фессалонии моего приятеля, оной за меня вступился и исходатайствовал писмо от митрополита Фессалоникскаго о проезде моем в Молдавию, и таким образом я в Молдавию отъехал и прожил там три года во время бывшаго там господаря Константина Маврокордата, а из Молдавии пожелал отъехать в город Янины для обучения еллиногреческаго языка. По тому что там находятся превеликия школы, где учатся по гречески и по латински. И тако при переезде моем через реку Дунай

встретился там со мною дядя мой, которой ехал с пашею и, меня узнавши, отдал меня тому паше, от коего я содержан полгода в тюрьме под караулом, и что не было при мне денег, платья, писем, оное все у меня отобрали и оставили совсем почти нага, но напоследи христианския православнаго исповедования купцы собрали милостыню и меня ею у паши выкупили и отправили на своем иждивении в Венецию с писменною рекомендацією к жительствующим тамо знатным греческим купцам Марации и Караянию, где я прожил на их содержании три месяца, но понеже между италианским духовенством жить я не похотел, по тому что сердце мое и помышление всегда клонилось к житию во святой горе Афонской, а неможно мне было туда отъехать, то принял я намерение сюда в Россию для препровождения моего бедного жития здесь в Москве в греческом Иверском монастыре и тако из Венеции отправили меня в Вену (Л. 4), где паки содержали меня на своем иждивении греки, а потом отправили меня в Петроварадин с писмами к находящемуся там российскому учителю Симеону Христиану, а он мне дал к Севской митрополии к префектову племяннику письмо ж, кое я по прибытии моем в Киев «5» числа ноября прошлаго 1752 года ему и отдал и он мне объявил, что реченной Симеон Христиан о мне пишет, что желаю я постричься, и тако хотя он префект доложить о том митрополиту своему обещал, однако ж чрез два месяца волоча со дня на день ничего со мною не учинил, чего ради подал я прошение в Киевской губернской канцелярии, чтоб отпущен был до Нежина, где находятся греки, и тако дан мне от той канцелярии пашпорт со взятъем от меня присяги. По прибытии моем в Нежин жил я там един месяц и из Нежина приехал сюда в Москву в греческой монастырь, что же я претерпел в турках от моих родителей и сродников, о том известно всем грекам.

5. А понеже желаю я ныне жить непременно в Российской империи, но не имея чем себя пропитать и содержать, того ради всенижайше прошу Дабы высочайшим вашего императорскаго величества указом повелено было сие мое прошение в государственную иностранную коллегию принять и отослать в св. прав. синод для определения меня страннаго и беднаго к научению грамоте, с потребным награждением на пропитание мое и содержание. За что должеству до гроба моего Всевышняго Бога молить» (Л. 4 об.)
Всемилоостивейшая государыня прошу вашего императорскаго величества о сем моем прошении решение учинить мая _____ дня 1753 году.

К поданию надлежит в Государственную Иностранную коллегию. Прощение писал Московской славенореколатинской академии студент Петр Дмитриев.

Внизу страницы подпись по-гречески: Иван Павлов

На каждой странице гербовая печать.